

Крупнейшая мустьерская стоянка у Волчьего Грота в Крыму

Последние годы в области изучения палеолита на территории СССР привели к целому ряду замечательных открытий. Среди них особое место занимают исследования новых древнейших в СССР поселений человека, относящихся к эпохе нижнего или среднего палеолита. Все же стоянки этого времени насчитываются у нас пока еще единицами, и счастливое открытие богатейшей мустьерской стоянки у Волчьего Грота в Крыму, сделанное нами истекшим летом, послужит для изучения палеолита нашей родины новым первоклассным источником.

Рис. 1. Вид Волчьего Грота, площадки перед ним и нижнего (второго) грота

Так называемый Волчий Грот впервые был подвергнут археологическому обследованию К. С. Мережковским в 1880 г.¹ и с тех пор получил широкую известность как первая стоянка мустьерского времени в России². Изданные К. С. Мережковским два кремневых орудия из этой пещеры весьма типичны. Мустьерский возраст Волчьего Грота был подтвержден известным французским археологом Габриэлем Мортилье³, также издавшим одно из добытых там кремневых орудий.

Однако собранный К. С. Мережковским в разведочных раскопках материал был невелик и впоследствии был затерян вместе с остальными его материалами по палеолиту Крыма. Изданные им сведения о раскопках далеко не полны и не всегда сходятся с нашими данными. Отсутствует даже план стоянки и ее раскопок. Весьма скупы также и сведения о стратиграфии грота и культурном слое.

¹ К. С. Мережковский—Отчет о предварительных исследованиях каменного века в Крыму. ИРГО, т. XVI, в. 2, 1880.

² С. de Mérejkowsky—Station moustérienne en Crimée. «L'Homme». Paris, 1884, № 10.

³ G. et A. de Mortillet—Préhistorique. 3-me édition. Paris, 1900.

В приведенный у К. С. Мережковского список фауны вошли следующие виды:

1. *Bos. sp.*—дикий бык.
2. *Cervus elaphus*—благородный олень.
3. *Cervus capreolus*—косуля.
4. *Antilope saiga*—сайга.
5. *Equus caballus*—дикая лошадь.
6. *Elephas primigenius*—мамонт.
7. *Meles tacsus*—барсук.

В 1924 г., после 45-летнего перерыва, Волчий Грот вновь был подвергнут обследованию и пробным раскопкам под руководством Г. А. Бонч-Осмоловского. Однако эти работы не дали положительных результатов, после чего среди специалистов укрепилось мнение, что Волчий Грот как археологический памятник исчерпан и для дальнейших раскопок не годен.

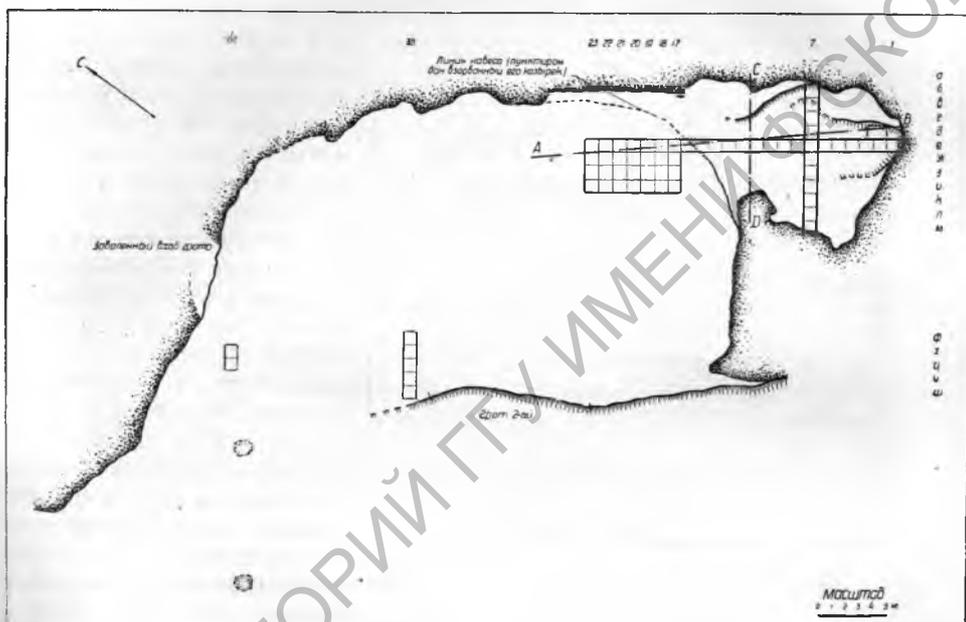

Рис. 2. План грота, стоянки перед ним и раскопок

Полное отсутствие в литературе каких-либо иллюстраций, характеризующих условия расположения Волчьего Грота и его внешний вид, побудило нас в 1937 г. поручить сотруднику Крымской палео-антропологической экспедиции Б. И. Татаринovu произвести дополнительное обследование памятника со съемкой плана и фотографированием его. Пробный шурф также не дал никаких признаков древнего культурного слоя, но выясненные при обследовании весьма значительные размеры грота привели нас к решению произвести в нем более тщательные поиски, так как в столь крупной пещере, если она не была в свое время раскопана целиком, могли сохраниться хотя бы отдельные небольшие остатки палеолитических культурных отложений.

Таким образом, Крымской экспедицией Института антропологии Московского университета в сентябре 1938 г. были произведены контрольные раскопки Волчьего Грота, приведшие к неожиданным по своей значительности результатам. В работах, помимо нас, приняли участие студенты-историки Высших музейных курсов Нарком-

проса и Кафедры антропологии МГУ и, отчасти, сотрудники Центрального музея Крымской АССР.

В настоящее время пещера уже не носит имя Волчьей, но по целому ряду соображений мы, как и Г. А. Бонч-Осмоловский, считаем, что К. С. Мережковский копал именно здесь.

Волчий Грот представляет собой эффектную, относительно крупную пещеру, расположенную над долиной реки Бештерек (рис. 1) между деревнями Старой и Новой Мазанками, в 11—12 км к востоку от Симферополя, вправо от шоссе на Карасубазар и Феодосию. Широкий зев грота, хорошо видимый с шоссе, ведет во внутреннее

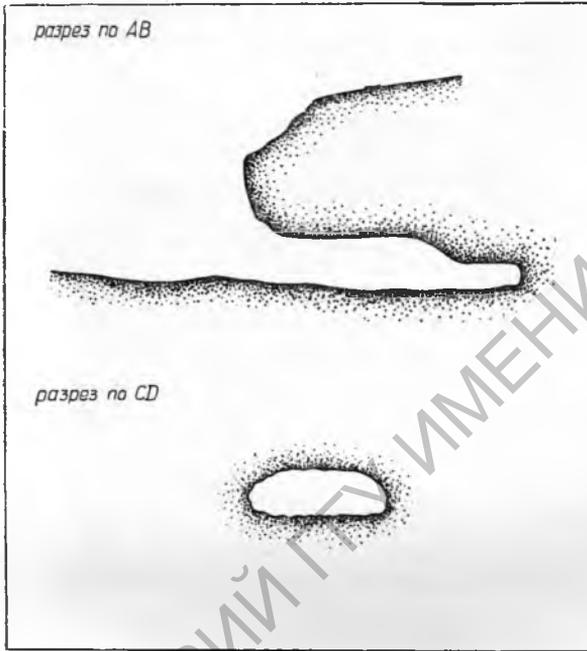

Рис. 3. Продольный (А—В) и поперечный (С—D) разрезы Волчьего Грота

помещение, расширяющееся в глубине до 11 и 12 м и длиною в среднем 15 м (рис. 2). Довольно высокий в средней части потолок делается более низким в глубине грота (рис. 3) и в особенности в его юго-западном расширении. Местами неровный скалистый пол грота выходит на поверхность (рис. 2), а в центральной его части весной и после сильных дождей скопляется вода.

Это существенное неудобство усугубляется тем, что вход грота обращен на северо-запад, следовательно, пещера, будучи открыта северным ветрам, почти не обогревается солнцем, что должно было оказывать существенное влияние на выбор ее под жилье первобытным человеком. Наоборот, хорошо защищенное полуцирком скал пространство перед гротом (рис. 2) уже с раннего утра залито солнечными лучами.

Перечисленные обстоятельства заставили нас обратить при раскопках особое внимание именно на площадку.

Но наиболее богатые находки ждали нас за пределами навеса пещеры, на площадке, не привлечшей внимания предыдущих исследователей. Здесь поверхность скалы начала резко снижаться, причем все обнаружившееся углубление оказалось заполненным желтым четвертичным суглинком, насыщенным культурными остатками древней стоянки.

Условия залегания крупных объектов принудили нас расширить нашу траншею на 3 м вниз по склону, после чего этот раскоп, шириною в 4 м, был расширен в сторону пещеры и закончен на участках «17» (рис. 2), когда скалистое дно опять почти вышло на поверхность и древний культурный слой в этом направлении исчез.

Культурный слой залегает в нашем раскопе почти непосредственно под поверхностью, достигает мощности 1,75 м и довольно однороден. Культурные остатки и кости животных залегают в нем неравномерно, скоплениями, но расположенными довольно часто. Эти скопления состоят из костей животных, кремневых орудий и осколков,

иногда мельчайших, свидетельствующих, что выделка кремневых орудий производилась здесь, на месте. Обнаружены также остатки очагов в виде костного и древесного угля.

Кости животных залегали в нашем раскопе также преимущественно в виде скоплений. Почти все они мелко раздроблены. Среди них выделяются величиною бивни мамонта (?). Так, часть бивня, изображенная на рисунке 4, имеет по наружной дуге 1,80 м длины.

Фауна не определена еще. Но не подлежит сомнению, что к списку фауны из Волчьего Грота, опубликованному К. С. Мережковским, мы сможем прибавить целый ряд

Рис. 4. Часть бивня четвертичного слона

новых видов. Среди них можем уже сейчас назвать пещерную гиену и пещерного медведя.

Обращает на себя внимание количество остатков дикой лошади.

Уже исходя из большой мощности культурных отложений в нашем пробном раскопе можно сделать вывод о, вероятно, большой площади его распространения на площадке. Но два сделанных нами пробных раскопа показали, что культурный слой занимает, видимо, всю площадь описанного выше скалистого полуцирка (рис. 2).

Начатая на выступающей над нижним гротом скале пробная траншея $\frac{\phi-III}{36}$ по мере поднятия вверх по склону площадки обнаружила увеличение мощности залегающего на скале слоя и в верхнем участке ϕ дала в известняковом туфе кремневый отщеп и одно цельное орудие—так наз. ручной остроконечник мустьерского типа (рис. 5). Следовательно, древний культурный слой залегает здесь и, видимо, на всей площадке вверх вплоть до скалистой стены, полуцирка.

В северо-западном конце полуцирка был обнаружен совершенно засыпанный камнями вход в другой, сперва не замеченный нами грот (рис. 2) со следами старых остатков полукруглого валика. Очень благоприятные условия расположения грота, хорошо защищенного, обращенного прямо на юг, к тому же в связи с наличием мощ-

ного палеолитического слоя на площадке, заставляют нас и в нем предположить наличие культурных остатков того же времени.

С целью убедиться в этом, мы, не начиная в истекшем году раскопок самого грота, заложили между ним и первым старым раскопом на площадке пробный участок $\frac{x-49}{49}$ размером 1×2 м (рис. 2). На участке x на глубине 1,62 м под слоем плотного туфа

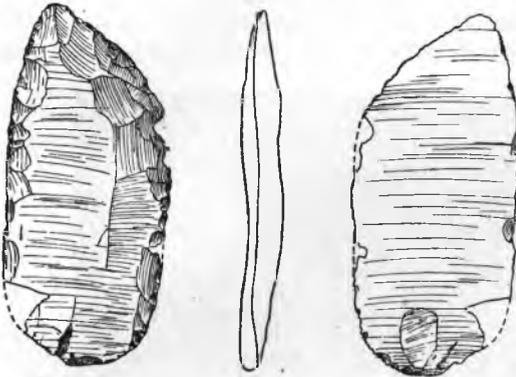

Рис. 5. «Ручное рубило» ($1\frac{1}{2}$ н. в.)

был обнаружен слой рыхлого желтого суглинка, на глубине 2,76 м подстилавшегося новым слоем очень плотного известнякового туфа, или скалою. В этом слое, на глубине между 2,10 и 2,76 м, были найдены несколько костей и обломок кремневого ретушированного орудия, не поддающегося точному определению.

Таким образом, видимо, вся обозначенная на нашем плане площадка занята культурными напластованиями четвертичной эпохи, что делает эту стоянку крупнейшим мустьерским памятником СССР. Надо думать, что древний слой, обнаруженный под туфом на участке $\frac{x}{49}$,

относится к тому же времени, что и отложения, затронутые в основном раскопе, но не исключена возможность и его более значительной древности.

Кремневый инвентарь, добытый в наших раскопках, состоит из нескольких десятков орудий и многочисленных осколков—отбросов производства.

Среди орудий довольно многочисленны формы, называемые обычно ручными рубилами. Здесь они не отличаются большими размерами, тщательно обработаны, значи-

тельно уплощены и могут быть названы скорее ручными остроконечниками с двусторонней обработкой, но сделаны все же из желваков, а не из сколов (рис. 6), что придает им, а вместе с тем и всей коллекции, очень древний облик.

Но наряду с этим у нас хорошо представлены и односторонние формы орудий. Это, прежде всего, весьма типичные ручные остроконечники (рис. 6 и 7) с отличной мустьерской краевой ретушью (рис. 7). Имеются также в нескольких экземплярах хорошие скребла с крутой или заостряющей (рис. 8) ретушью, оформляющей рабочий край орудия.

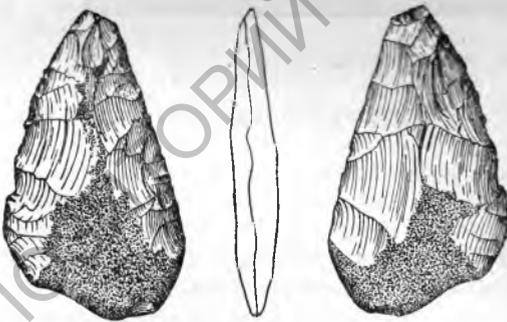

Рис. 6. Ручной остроконечник ($1\frac{1}{2}$ н. в.)

Уже эти несколько замечаний могут служить основанием для отнесения стоянки перед Волчьим Гротом, наряду с некоторыми прочими древними памятниками Крыма, к числу стоянок типа Ла-Микок, распространенных в Западной и Средней Европе. Из крымских стоянок безусловно близка нашей стоянка у дер. Чокурча близ Симферополя, и, по указанию Г. А. Бонч-Осмоловского, Аджи-Коба и верхний слой Киик-Коба.

Что касается вопроса об отнесении стоянок типа Ла-Микок, а вместе с тем и Волчьего Грота, к ашельской или мустьерской эпохе, то мы стоим на точке зрения их мустьерского возраста. Точнее, дата Волчьего Грота представляется нам ранним мустье, во всяком случае первой его половиной. Более поздние мустьерские стоянки представлены в Крыму такими памятниками, как Шайтан-Коба¹ и Чагарак-Коба². Состав фауны этих стоянок, благодаря наличию арктических видов, как северный олень и песец, дает основание относить их к моменту максимального похолодания в эпоху рисского оледенения Европы.

Фауна крымских стоянок типа Ла-Микок не дает арктических видов, но и не позволяет относить их к теплему дорисскому времени, что могло бы служить подтверждением ашельского возраста этих стоянок.

Как тип поселения, стоянка у Волчьего Грота также вполне соответствует мустьерской стадии,

т. е. представляет собою хорошо выраженное поселение первобытных охотников со скоплением костей крупных и стадных животных и остатками очагов³. Двусторонняя техника нижнего палеолита пользуется на нашей стоянке еще немалым распространением, но наряду с этим мустьерские формы орудий и мустьерская техника представлены очень хорошими образцами, которые отнюдь нельзя рассматривать как случайные. Для даты это имеет решающее значение и также говорит в пользу мустье.

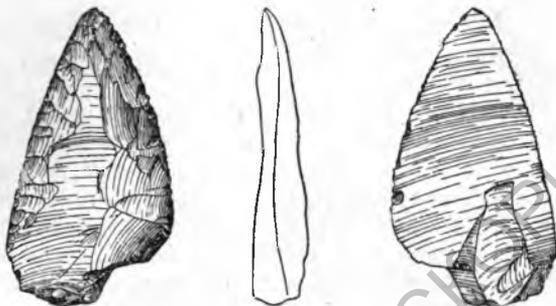

Рис. 7. Ручной остроконечник ($\frac{1}{2}$ н. в.)

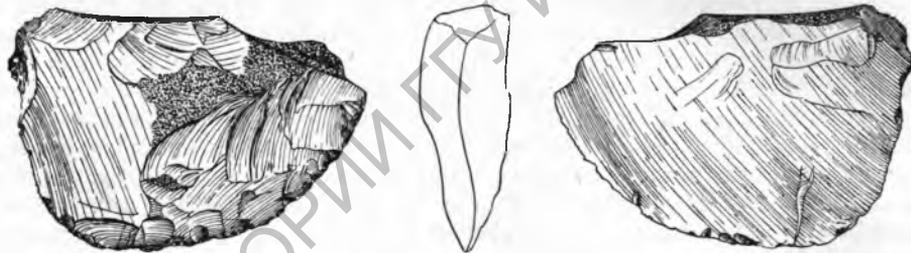

Рис. 8. Скребло (менее $\frac{1}{2}$ н. в.)

Наконец, развивающаяся техника обработки кости, наличие в инвентаре уже настоящих костяных орудий (Чокурча) также противоречат ашельскому возрасту этих стоянок.

Ближайшие годы Институт антропологии МГУ предполагает посвятить постановке широких исследований открытой у Волчьего Грота стоянке.

¹ Г. А. Бонч-Осмоловский—Шайтан-Коба, крымская стоянка типа Абри-Оди. «Бюллетень Ком. по изуч. четвертич. периода АН СССР» № 2, 1930.

² О. Н. Бадер—Новая мустьерская стоянка в Крыму. «Бюллетень Ком. по изуч. четвертич. периода АН СССР» № 6.

³ Развернутая характеристика эпохи мустье, как определенной стадии в истории первобытного общества, дана в книге П. П. Ефименко—Первобытное общество, изд. Соцэкгиза, 1938.

Наши первые раскопки носили ограниченный, рекогносцировочный характер. Но и они уже дали великолепную коллекцию весьма типичных орудий, среди которых представлены формы, являющиеся классическими для лучших стоянок Франции.

О. Бадер